

Иван Прыжов как зеркало русского социализма, пьянства и юродства

Васильев К.Б.

Аннотация: Автор, не считая И. Г. Прыжова (1827-85) крупным, вдумчивым историком и нравственной личностью, обращается, тем не менее, к его очеркам, видя в них пользу для лучшего понимания русской истории. Прыжов писал о производстве, продаже и потреблении спиртного, о кабаках и пьянстве, что было и остаётся одной из самых спорных проблем в России. В очерках Прыжова о нищих и юродивых немало наивных рассуждений и необоснованных выводов, но в них чувствуется живой интерес к теме, стремление разобраться, и это свидетельство очевидца, знакомого с означенными явлениями лично, а не по чужим печатным трудам или устным рассказам.

Ключевые слова: Бакунин, кабак, каторга, Корейша, Народная расправа, Нечаев, нищенство, преступление и наказание, разбой, умышленное убийство, фаланстер, фурьеризм, юроды.

1

Некто совершил или участвовал в умышленном убийстве, и мы, не зная преступника и детали преступления, назовём его убийцей и, вполне возможно, негодяем, и для кого-то будет важно узнать: его поймали, судили, приговорили, он получил по заслугам? На своём бытовом уровне кто-то из нас выскажет своё одобрение или недовольство решением суда: двенадцать лет? — мало ему присудили! или: пожизненное заключение? — слишком жестоко, общество не имеет права на всю жизнь человека за решётку сажать и в тюрьме гноить! или: его же расстрелять надо или повесить, потому что он лишил кого-то жизни, и за подобное злодеяние во все времена полагалась смертная казнь. Судебное решение отражает настроения, преобладающие в обществе в данный период его существования, с учётом современного законодательства в других, прежде всего, *цивилизованных* странах, при этом преобладание основано на чувствах, а не на здравых рассуждениях и логических выводах, сделанных после вдумчивого изучения вопроса. Если вспомнить прошедшую историю и принять во внимание дни сегодняшние, придётся признать, что ни один закон не имел одинаковой силы *во все времена*, и ни один обычай не простоял неизменно от сотворения мира до наших дней. В какой-то период мелкого воришку без проволочек отправляли на виселицу, в другой период разбирательство о жестоком убийстве затягивалось на месяцы и годы, при этом общественное мнение склонялось по какой-то причине к жалости по отношению к преступнику, а не к жертве. Всему своё время, в том числе время бездумно прощать и время без разбора карать, время горячо обнимать кого попало и время воздерживаться брезгливо от объятий даже в кругу родных, близких и соотечественников...

Отношение к преступнику начинает меняться, когда, проявив любопытство, мы узнаём, что он не уголовник, не каторжник, а, например, студент, оставивший учёбу, видимо, по бедности, возмечтавший осчастливить человечество и принести великую пользу людям. Он, оказывается, рассуждал не так, что убью, ограблю и отправлюсь пировать в ресторан с продажными девицами; нет, убив жадного ростовщика, он собирался пустить его денежные накопления и сбережения на общественное благо. На какое именно благо? Он же говорит: на народное, на общественное, он же высказал нам свою идею: всему человечеству принести пользу! Только

сначала нужно решиться и убить, и деньги, пришедшие к ростовщику от бедняков, сирот и вдовиц, изъять, а там уже определять, на какие именно народные нужды их распределять.

А, так я рассматриваю не жизненный случай, а рассуждаю о придуманном литературном герое? Нет, Родион Раскольников из романа «Преступление и наказание» вспомнился случайно — почти случайно или, скорее, вспомнился невольно: потому что преступление Ивана Прыжова относится к тем же годам, что и преступление Раскольникова, потому что Фёдор Достоевский, как и Иван Прыжов, участвовал в своё время в революционном кружке, потому что у Достоевского в другом произведении, а именно в «Бесах», один из персонажей списан или, по крайней мере, имеет много схожего с Прыжовом... Кстати, Раскольников, проникший в чужую квартиру для грабежа и зарубивший топором двух женщин, получил восемь лет каторги, а Прыжова, который не убивал лично, но только помогал непосредственному убийце, Сергею Нечаеву, отправили в Сибирь на двенадцать лет. Самого Достоевского судили в более строгие и даже, можно сказать, жестокие времена, при николаевском правлении, и судили как государственного преступника, но собственно на каторге, а именно в Омском остроге, в полной неволе, он пробыл четыре года. Это к вопросу о нечётких определениях того или иного правонарушения в законе и о множестве обстоятельств, усугубляющих или смягчающих приговор, — прописанных в уголовном кодексе и присутствующих как в умах *народной массы*, так и в сознании правоохранителей, от *массы* в большей или меньшей степени зависящих.

2

Уже избегая или, по крайней мере, не произнося вслух слова *убийца* и *негодяй*, мы прислушиваемся и принимаем оправдания Ивана Гавриловича Прыжова, что на убийство он идти не хотел, его вроде бы вынудили; потом, после убийства, он находился в очень болезненном состоянии, многого теперь не помнит... На следствии и в суде Прыжов давал сбивчивые показания, то и дело сводя разговор к тому, что он всю жизнь *изучал народ*, и этого уже как бы достаточно, чтобы его оправдали.

Вырос Прыжов в бедности, в детстве был забитым, болезненным заикой... Это, наверно, адвокаты на суде так расписывали, чтобы выдать слезу у судей и зрителей? Нет, сам Иван Прыжов так высказался о себе, жалея себя, оказавшегося в гадкой тюремной камере, и ему казалось, что всем в судебном заседании тоже станет жалко, когда они узнают: в детстве он был *болезненный, страшный заика, забитый, загнанный, чуждый малейшего развития*. Адвокаты, защищавшие Прыжова с подельниками... то есть с товарищами по *революционной борьбе*, не впадали в такую уж слезливость, но всякими лестными словами и снисходительными характеристиками его выгораживали: один сказал, что Прыжов — *добряк, прост, как дитя*, другой — что это *фантазёр, любящий толкаться между народом без всякой определённой задачи*.

То, что Прыжов был прост, — явно не соответствует действительности. Он был человеком стеснительным и одновременно крайне самолюбивым, он зло и напористо рвался доказать самому себе и другим — богатым, сановным, самоуверенным и, с его точки зрения, более удачливым, — доказать, что он пробьёт себе дорогу и возвысится. Его одолевала гордыня. И он, человек, не получивший высшего образования — в силу собственной гордыни и в связи с жизненными обстоятельствами, поставил себе вполне *определённую задачу*: написать труд исторический, труд многотомный, осветив в нём те стороны русской жизни, от которых наши *образованные* историки отворачивались, которые нашими *образованными* учёными, как он считал, презирались. Он напишет о русском крестьянском быте и о *низах*: о нищих, юродивых и кликушах, о питухах и кабацких ярыгах... Когда Прыжов уже отбывал свой срок в Сибири, из уст одного либерала прозвучало, что *в лице Прыжова варварски загублена крупная научная сила*. Извините, Прыжов загубил себя сам, связавшись с Сергеем Нечаевым и ввязавшись в *подпольную* деятельность. Вместо того, чтобы заниматься по-крупному историей, он потратил, он *убил* много времени на знакомство с *низами*, а затем на сотрудничество с Нечаевым, руководившим кучкой жалких личностей, ободрившихся от того, что стали *революционерами* и участниками тайной организации со смелым названием «Народная расправа». Одно из поручений Нечаева прямо-таки совпало с *научными* интересами Прыжова: до этого он ходил по кабакам и пил, утешая себя мыслью, что это на пользу задуманному *многотомному*

исследованию, только в питейных домах можно по-настоящему познакомиться с жизнью *низов*, а затем Нечаев ещё и поручил ему *ходить в низы* — с революционно-пропагандистской целью, и посещение кабаков стало для Прыжова совсем нужным и оправданным делом. Адвокат, защищавший его на суде, неправду сказал, что Прыжов *толкался среди народа без определённой задачи*. Задача была. Михаил Альтман, автор обстоятельного исследования о жизни и творчестве Прыжова, писал в 1934 году:

«По поручению Нечаева Прыжов вёл пропаганду среди посетителей кабаков, харчевень и тайных притонов и доставлял сведения о тех *местах, где собирается преступная часть общества*. Здесь надо напомнить, что в кружке *Народной расправы*, если не организационно, то идейно связанном с Бакуниным, существовал на эту часть общества особый взгляд. Так, Бакунин в одном из своих воззваний писал: *Разбой — одна из почтеннейших форм русской жизни. Разбойник в России — настоящий и единственный революционер без фраз, революционной риторики, революционер непримиримый, неутомимый на деле, революционер народно-общественный, а не сословный. В тяжёлые промежутки, когда весь рабочий-крестьянский мир спит, кажется, сном непробудным, лесной разбойничий мир продолжает свою отчаянную борьбу и борется до тех пор, пока русские сёла опять не проснутся*».

Отсиживаясь в благополучной Швейцарии, социалист Бакунин похваливал русских разбойников, *отчаянная борьба* которых состояла в том, чтобы грабить прохожих и проезжих, не взирая на чины, сословия, возраст и вероисповедание, и действительно пробуждать время от времени русские сёла, убивая ночью всех поголовно в какой-нибудь несчастной крестьянской семье. Печатно и устно передавались *свободолюбивые* высказывания Бакунина вроде этого: «Свобода без социализма — это привилегия, несправедливость; социализм без свободы — это рабство и скотство», и это воспринималось как *умная* мысль, но, если вдуматься, вы засомневаетесь, а потом признаете: что же здесь умного, это звонкий, но бессмысленный набор слов, это просто словоблудие! А вот призыв выйти с кистенём на большую дорогу — совершенно понятен, и он прямо-таки подталкивает всякого рода недоучек и недоносков, увлечшихся *социалистической идеей*, к совершению преступления: я зарублю, например, старуху, которая занимается ростовщичеством, и буду не убийцей, а *непримиримым революционером*, мне и подобным недоноскам и недоучкам сам Бакунин дал индульгенцию: режьте и грабьте, разбой — *почтеннейшая форма русской жизни*.

Кого-то из читателей моего очерка покоробит: автор слишком резко выражается, даже до неприличия: *недоучки, недоноски...* Я собственно, повторяю, слова Прыжова о самом себе: *болезненный, страшный заика, забитый, загнанный*; потом, я держу в памяти живописные характеристики Фёдора Достоевского: сам бывший *фурьерист*, знавший лично, а не по брошюркам представителей русского социализма с их взглядами и настроениями, вот в каких выражениях он описывает социалиста Лебезятникова в романе «Преступление и наказание»:

«Худосочный и золотушный человек, малого роста, где-то служивший <...> у него почти постоянно болели глаза. Сердце у него было довольно мягкое, но речь весьма самоуверенная, а иной раз чрезвычайно даже заносчивая, — что, в сравнении с фигуркой его, почти всегда выходило смешно. <...> Действительно был глуповат. Прикомандировался же он к прогрессу и к молодым поколениям нашим — по страсти. Это был один из того бесчисленного и различного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опозлить её, чтобы мигом окарикатурить всё, чему они же иногда самым искренним образом служат».

Видите, у Достоевского совсем уничижительно сказано: *глуповатый пошляк, дохленький недоносок, недоучившийся самодур...* Может быть, Достоевский срисовал Лебезятникова с Прыжова — с его чертами и наклонностями, включая службу в каком-то малозначительном учреждении, слабое зрение и приступы заносчивости? Лебезятников и в *теорию Фурье* верит, и мелкие вопросы по бытовому устройству социалистической коммуны со страстью обсуждает и *пропагандирует*: что замужняя женщина имеет право заводить себе любовника, и каждый член коммуны имеет право входить к другому члену в комнату, к мужчине или женщине, во всякое время... Нет, Лебезятников не пьёт, тогда как Прыжов к водке сильно пристрастился, и Достоевский обязательно перенёс бы эту его *страсть* на литературного персонажа, он имеет *довольно мягкое сердце*, он ограничивается пропагандой и *протестом*, он не способен и не пойдёт, в отличие от Прыжова, на убийство. И вообще, роман «Преступление и наказание»

создавался раньше, был напечатан в 1866 году, тогда как Нечаев со товарищи расправились со студентом Ивановым осенью 1869 года, после чего их *революционная* деятельность стала известна, и Достоевский заинтересовался личностью Прыжова и изобразил его, среди прочих членов нечаевского кружка, в своём новом произведении, в «Бесах», где он — *некто Толкаченко*.

3

Толкаченко — один из русских *бесов*: «Странная личность, человек уже лет сорока и славившийся огромным изучением народа, преимущественно мошенников и разбойников, ходивший нарочно по кабакам (впрочем не для одного изучения народного) и щеголявший между нами дурным платьем, смазными сапогами, прищуренно-хитрым видом и народными фразами с завитком».

Бакунинские *разбойничьи* призывы в пересказе Нечаева, смельчака, готового убить *ради великой цели* или пусть даже без особой цели, привлекали в кружок, именуемый «Народной расправой», девиц, мечтавших о дружбе с отчаянным мужчиной, а не со скучным обывателем, среди них небезызвестную Веру Засулич, и близоруких, нескладных *заик* вроде Прыжова, надеющихся под руководством *смельчака* испытать себя и себе доказать: ведь *не тварь же я дрожащая!* И Прыжов, близорукий, нескладный, в каких-то жизненных случаях, действительно, *дитя*, как назвал его на суде адвокат, пошёл на убийство вместе с Нечаевым, и держал жертву, студента Иванова, за руки, чтобы Нечаеву было ловчее застрелить Иванова... *Крупная научная сила* кончила тем, что поучаствовала в гнусном преступлении.

Впрочем, повторяю, преступление как-то уже перестаёт считаться гнусным, когда выясняется, что убийцы — социалисты из революционного движения, они борются за народные интересы, за правду и справедливость... что там ещё пишут и говорят в таких случаях, оправдывая борцов за *свободу и народное счастье?*

Прыжов был человеком незаурядным, способным, имел задатки. В его очерках есть то, чего нет у тысячи историков, этнографов, языковедов и культурологов, тупо и вяло, для получения более высокой научной степени оформляющих в виде научной диссертации выбранную научную тему, у Прыжова чувствуется живой интерес к тому, о чём он пишет, есть упорное желание высказать своё отношение и напористо навязать свои суждения и убеждения, и даже когда он злобствует, например, перекадывая вину за русское пьянство на *татар, жидов и ляхов*, он интересен уже этим своим нежеланием соблюдать приличия: что думает, то и говорит, тогда как большинство из нас будет в таких случаях мямлить о дружбе и братстве, о взаимопонимании народов и национальностей, в мыслях, может быть, тоже кляня за все русские беды тех же инородцев, иностранцев, иноверцев.

На суде Прыжов уваливал от прямых ответов, отводил от себя вину, менял показания... В помощь своим адвокатам он, находясь в камере, быстро написал слезливую и в то же время достаточно агрессивную «Исповедь», в которой и прозвучало, что в детстве он был *страшным заикой*, в которой он всячески старался провести мысль о своей невинности: если кто виноват, так это строй, общество, несправедливости жизни, обстоятельства, и Сергей Нечаев сильно на всех давил и к решительным действиям принуждал...

Суд непредсказуем, особенно русский. Напомню, что Фёдора Достоевского, который в своём кружке обсуждал увлечённо *теорию Фурье*, приговорили сначала к расстрелу — за этот самый интерес к писаниям Фурье, которые и всерьёз-то нельзя воспринимать, и за чтение, где и когда — не указано, некоего частного письма некоего русского литератора, в приговоре не названного. Веру Засулич, которая при многих свидетелях стреляла в упор в человека и чуть его не убила, наоборот, объявили невинной и освободили из-под стражи прямо в зале суда... Иван Прыжов получил в 1871 году двенадцать лет каторги и вечное поселение в Сибири. Там он и скончался, в Сибири, в 1885 году. Как свидетельствовал современник, он «запил и умер, — одинокий, больной, озлобленный не только против врагов, но и против друзей».

Ему бы, по примеру В. О. Ключевского и С. М. Соловьёва, его современников, исследовать *всеобщую* историю русского народа во всех её проявлениях, на всех уровнях, в верхах и низах, но вместо этого Прыжов отдал всего себя общению с *низами*, встречаясь с которыми, он удовлетворял свою гордыню: я, историк, литератор, а потом и революционер из тайной

организации, снисхожу до того, чтобы пить с *ярыгами*, и эти ярыги уважают меня! Как важно для русского человека — что его какие-то случайные *питухи* уважают, и что у него через общение с кабацкими завсегдатаями пол-Москвы знакомых!

В начале двадцатого века, когда либералы всех оттенков, накликая с жаром революцию, вспоминали всех, *пострадавших за народ*, в список пострадавших внесли и Ивана Гавриловича Прыжова, и переиздание его «Кабаков» в 1914 году имело целью, по словам издателя, *напомнить русскому народу о его заступнике и невинном страдальце*.

Прыжов — народный заступник? Даже смешно слышать... Нельзя считать его и невинным страдальцем: судебный приговор и каторга явились следствием его уголовного преступления. Достоевский, попавший в острог за куда меньшую вину, скажет потом себе и другим: «Смирись, гордый человек!» Прыжов, прилепившийся к идее социализма, не желал смиряться, он и умер в озлоблении, вовсе не раскаиваясь в содеянном, считая, что не преступление совершил, а вкуче с другими *борцами за светлое будущее* выразил протест против *ненормальности социального устройства*... Здесь, не имея достаточных знаний по истории социализма в России и не умея коротко высказать суть сложного явления, я передаю слово Достоевскому, который в «Преступлении и наказании» изложил воззрения, взгляды... суть русских социалистов — устами Разумихина, чья речь обращена к Раскольникову:

«Началось с воззрения социалистов. Известно воззрение: преступление есть протест против ненормальности социального устройства — и только, и ничего больше, и никаких причин больше не допускается <...>. Я тебе книжки ихние покажу: всё у них потому, что *среда заела*, — и ничего больше! <...> Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными. Натура не берётся в расчёт, натура изгоняется, природы не полагается! У них не человечество, развившись историческим, *живым* путём до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит всё человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути! Оттого-то они так инстинктивно и не любят историю: *безобразия одни в ней да глупости* — и всё одною только глупостью объясняется! Оттого так и не любят *живого* процесса жизни: не надо *живой души*! Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна! А тут хоть и мертвечинкой припахивает, из каучука сделать можно, — зато не живая, зато без воли, зато рабская, не взбунтуется! И выходит в результате, что всё на одну только кладку кирпичиков да на расположение коридоров и комнат в фаланстере свели! Фаланстера-то и готова, да натура-то у вас для фаланстеры ещё не готова, жизни хочет, жизненного процесса ещё не завершила, рано на кладбище! С одной логикой нельзя через природу перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион! Отрезать весь миллион и всё на один вопрос о комфорте свести! Самое лёгкое разрешение задачи! Соблазнительно ясно, и думать не надо! Главное — думать не надо! Вся жизненная тайна на двух печатных листках умещается!»

Вот именно: умеренный социалист вроде Лебезятникова, впечатлившись сказочными мечтаниями Шарля Фурье и Н. Г. Чернышевского, неторопливо *дебатировал* об устройстве будущих социалистических фаланстеров... Так и тянет добавить, что эти мечтания, так сказать, осуществилась в России после Революции в виде коммунальных квартир, рабочих и студенческих общежитий, строительных и лагерных бараков, куда, придя к власти, сдвинули и согнали значительную часть населения борцы за светлое будущее. Нетерпеливый Прыжов с мечтой *устроить всё человечество* по социалистической системе желал *в один миг* сделать его праведным и безгрешным! При этом он не понимал, не принимал в расчёт, что в нём-то душа как раз кипит и *жизни требует*, он со своей *натурой*, со своим ущемлённым самолюбием, со своей тягой к кабакам, в фаланстере не уживётся, правилам социалистического общежития подчинить свою *натуру* он не сможет и не захочет, и в один прекрасный день из одного социалистического фаланстера, плотно населённого чистыми и нечистыми, его выведут и без долгих судебных заседаний отправят в фаланстер иной, обнесённый колючей проволокой, с решётками на окнах, охраняемый надзирателями и часовыми.

В своё время, редактируя и готовя к печати прыжковскую «Историю кабаков в России», я был поначалу приятно удивлён: автор ознакомился с огромным количеством печатных материалов по истории вопроса, он ссылается то и дело на зарубежных и отечественных исследователей, приводит выдержки из многих, в том числе очень даже редких изданий, известных далеко не каждому образованному историку. При этом, повторяю, виден был живейший интерес к теме, прямо-таки страстное желание докопаться, разобраться, рассказать другим, донести до читателя и собранные сведения, и свои взгляды, высказать свою точку зрения. По ходу работы я заметил, однако, что цитаты, использованные Прыжковым, требуют проверки: иногда он в спешке или по невниманию неточно передаёт чужой текст, перевирает имена, даты... Важнее другое: если вчитаться и задуматься, оказывается, что Прыжов в некоторых случаях принимает и выдаёт за историческую правду фольклорные или литературные рассказы, и, по большому счёту, после вполне здравых рассуждений он для решающего довода опирается на вымысел.

Посудите сами: в первой же главе «Кабаков», которые видятся доскональным и чуть ли не исчерпывающим историческим исследованием, мы обнаруживаем совершенно сказочные представления автора о прошлом: «Русская земля издавна <...> жила по обычаям своим и по закону отцов своих <...>. Ни мужиков, ни крестьян тогда ещё не было, а были люди <...>, был народ, владевший землёю и состоявший из мужей и пахарей (ратай, оратай)». Прямо-таки зачин какой-нибудь былины про славные и героические времена князя Владимира. Прочитав многостраничную книгу с изобилием ссылок на всевозможнейшие источники, в том числе на работы признанных историков, вы обнаруживаете, что выводы автор сделал всё же исходя из народных преданий, сказок и литературных выдумок. Подробное описание бортничества и медоварения на Руси с обилием статистических данных дополнено сценами с пирами князя Владимира, как они изображались именно в былинах, и автор подводит нас к мысли, что всё на Руси было хорошо — пока народ мёды пил, но эта лепота закончилась с появлением водки. А откуда взялась водка, откуда появились кабаки или, иными словами, кто споил Россию? Зная в общих чертах *натуру* и миропонимание Прыжова, мы угадываем ответ на поставленный вопрос: инородцы виноваты!

«С XVI века на Руси делается известною водка, открытая арабами: арабские *al-kohol*, *áraky*; турецкое *raky* — водка; болгарское — *ракия*; русское — *арак*. Рагез, родившийся в 860 году <...> первый указал способ приготовления алкоголя <...>. Водка является в Европе и <...> в конце XIV века (1398) от генуэзцев, торговавших с Переяславом и Ромном, переходит в южную Русь, и затем в первой половине XVI века распространяется по всему северо-востоку. Воротившись из-под Казани, Иван IV запретил в Москве продавать водку, позволив пить её одним лишь опричникам, и для их попоек построил на Балчуге особый дом, называемый татарски кабаком. У татар кабаком назывался постоянный двор, где продавались кушанья и напитки. В 1545 году царское войско сожгло в Казани ханские кабаки <...>. В самой Казани, во время взятия её Грозным, стояли Кабацкие врата <...>. Кабак, заведённый на Балчуге, полюбился царю, и из Москвы начали предписывать наместникам областей прекращать везде торговлю питьями, то есть корчму, корчемство, и заводить царёвы кабаки, то есть места продажи напитков, казённой или откупной».

Не имеет смысла переспрашивать автора: откуда такая уверенность, что только в XIV веке в России узнали про перегонку спирта? Потом: арабского химика звали не *Рагес*, он — *Разес*, или *Разис*, или, точнее, *Ар-Рази*. И какая связь между русскими питейными заведениями, взятием Казани и сомнительной байкой про кабаки на Балчуге, якобы единственный на всю Москву, где только опричникам позволялась водка? Тюркское *кабак* не значит *питейное заведение*, непонятно, почему это слово прилепилось к русской распивочной, и вряд ли мусульманская Казань изобиловала заведениями, в коих народ усиленно потреблял алкоголь.

Подобная же логика наблюдается и в той части прыжковского исследования, которая посвящена питейному делу в Малороссии, там во всём виноваты поляки — не напрямую, а через евреев. Ляхи отдавали в аренду шинки — жидам, а жиды уже спаивали честных, трудолюбивых и праведных малороссийских крестьян и славных казаков!

Точно такое *историческое* мышление, замешанное на мифах и легендах, мы наблюдаем и в других публикациях Прыжова. В статье, посвящённой нищенству, он, не замечая, что постоянно противоречит самому себе, сбивается на высказывания, которым место только в сказках про времена Царя Гороха:

«Памятники доисторической жизни славян свидетельствуют, что в то время нищих не было, да и неоткуда было им взяться: народ жил замкнутыми родами, а земля была велика и обильна». *То время* — это несколько столетий. И на протяжении веков, как славно! — полное отсутствие нищеты. Настолько, видимо, великая земля была обильна неоскудевающими молочными реками с кисельными берегами.

5

Если не обращать внимания на умозаключения Прыжова, можно рассматривать его труд как полезное собрание материалов по истории питейного дела в России, объединение сведений, которые в ином случае пришлось бы искать по разным, в том числе не очень доступным источникам. Следуя уже своей логике, мы обращаем особое внимание на роль русского государства, русских властей, в том числе духовных, в производстве и продаже спиртных напитков. Думающий читатель приходит к тревожащей и даже пугающей мысли, что власть, то бездумно, а то и осознанно спаивала население страны. Тамга и кабак были большим, подчас чуть ли не единственным способом собирать деньги — в казну, то бишь, прежде всего, на прокорм наместников и московских правителей. Тамга развращала и приучала к нетрудовым доходам: наставим рогаток на каждом мосту, на каждом перевозе и на каждом повороте дороги, поставим калитки и шлагбаумы на каждом въезде и выезде и будем собирать подати с каждого прохожего и проезжего, входящего и выходящего, особенно с тех, кто что-нибудь везёт или несёт, просто останавливаем всех и говорим: платите! А вторая статья дохода — кабак, от которого получение дохода тоже до примитивности простое: чем больше водки наделаем и продадим, чем больше покупающих и пьющих, тем больше доход казне. Как справедливо и обоснованно высказался Достоевский в «Бесах»: «Моря и океаны водки испиваются на помощь бюджету». А если кто из населения будет гнать свою сивуху, свой самогон, не покупая *вино* из государева или государственного кабака, тому *сечь руки и ссылать в Сибирь*, ведь иначе подрывается экономика великой нашей страны! Время от времени заводился разговор или даже поднимался крик, что надо *бороться* за трезвость народа. В рамках этой *борьбы* даже указы какие-нибудь принимались: не наливать *питухам* больше одной чарки, или убрать скамейки из кабаков, чтобы питухи не засиживались: глотнул водки и пошёл отсюда! — или, как помнится по застойному и загнивающему периодам нашего социализма: ограничить время продажи вино-водочных изделий, или продавать в одни руки только по одной бутылке водки... Но в любой период нашей истории власти быстро спохватывались: меры по *борьбе* приводят к убыткам казне! Тогда издавался указ уже питухов не отгонять, а привечать, а дабы создать видимость каких-то *антиалкогольных* мер, кабак переименовывался в кружало, или в питейный дом, или в рюмочную, а для успокоения совести, своей и общественной, вспоминались снова слова, приписанные князю Владимиру, про то, что якобы *пить* на Руси — это то же самое, что *быть*.

6

Начиная своё исследование о русских нищих, Прыжов счёл нужным привести — в качестве эпиграфа — запальчивое высказывание И. С. Аксакова о том, что Древняя Русь не отжила свой век. Напрашивается вопрос: к чему запальчивость? Никто не станет возражать против очевидной мысли, высказанной Аксаковым, что «Древняя Русь неразрывно соединена с нашим настоящим и будущим, соединена тою живою связью, какою соединён корень с ветвями дерева». Понятно, что характер и национальные особенности русского народа унаследованы от давних предков через цепочку поколений, будь то русский народ в XIX веке, когда жили Прыжов и Аксаков, или российский народ, населяющий сегодня, в начале XXI века, через сто лет после Аксакова и Прыжова, ту же часть Земли. Благодаря неизменному местожительству, собственно, национальные особенности и сохраняются: на почве, где всегда произрастали

берёзы, дубы и ели, так и будут произрастать эти виды, а не какие-либо заморские померанцы и ораниенбаумы, время от времени искусственно у нас насаждаемые.

Судя по взволнованному тону Аксакова, он с кем-то спорит, кого-то переубеждает. Видимо, идёт полемика с теми, кто утверждал и при этом радовался, что Россия после Петра I *отбросила свой прежний путь, путь Древней Руси*.

Ивану Аксакову, славянофилу, Древняя Русь виделась, живописным полотном, цветной картинкой, на которой благородный во всех отношениях киевский князь обводит ясным взором границы своих исконно русских владений, он окружён хороброй дружинишкой — могучими добрыми молодцами: все равны, как на подбор, отметил бы Александр Пушкин, глядя на них, все политически грамотны и морально устойчивы, как написали бы в их характеристиках должностные лица в социалистический период. На сказочном полотне, созданном фантазией Аксакова и других славянофилов, есть место и древнерусским нищим — и, конечно, это не назойливые попрошайки с протянутой рукой, это облачённые в пристойно-чёрные одеяния калики перехожие — добры молодцы под стать княжеским ратникам, это чистые сердцем собиратели милостыни, идущей на содержание православных храмов и монастырей.

Для Ивана Аксакова, для славянофилов, для многих других, не знающих ни Аксакова, ни что такое славянофильство, на картинах былого, рисуемых воображением, в толпе древних русичей, провожающих князя на очередную битву с *погаными*, то есть иноверцами, не может не быть и древнерусского юродивого — и, опять же, это не слабоумное, тупоумное или хитроумное существо, живущее чужим трудом, но — духовный подвижник, совершающий подвиг во имя Христа своим полным презрением к мирским благам и мирскому благочинию.

7

О том, что юродство — духовное подвижничество, я прочитал не у церковного автора в православном журнале, не у историка христианской церкви, а в современной энциклопедии, которая в наше материально-потребительское время *качает* заинтересованному компьютерному пользователю любые сведения со скоростью света по электронной системе, работающей не по волхованию языческого жреца или библейского пророка, а по законам физики. Автор статьи про русское юродство, может быть, и верит в Бога, но, скорее, прикидывается верующим перед другими и перед самим собой, и к православию он обратился за неимением других идей в голове, как некогда *недоучки* и *недоноски* заморачивались на *модном* социализме.

«Юродство — вид духовного подвижничества, заключающийся в безумии или симуляции его. Один из способов преодоления тщеславия... Религиозный подвиг юродства состоит в отвержении с наибольшей последовательностью мирских забот — о доме, семье, труде, о подчинении власти и правилам общественного приличия. В этом юродивые подражают Христу...»

Есть ли смысл во фразе, в которой слеплены подвижничество и безумие? Ладно, не будем вдаваться: многое из написанного и ранее, и сейчас, не имея смысла, ложится вполне приемлемо на слух. Но то, что необразованные, тихо или буйно помешанные личности, часть которых и в церкви никогда не бывала, и Библию в руках не держала, подражают Христу, ему уподобляются... это вы, товарищи, сильно загнули. Это вы, господа, и Христа совсем на дальний задний план задвигаете, для фона, для красного словца, а представителями Бога делаются у вас Иван Яковлевич, Семён Митрич, Ольга Макарьевна, Фома Фомич...

Кто такие? С первыми тремя нас знакомит Иван Прыжов в своих замечательных очерках о лжепророках, ханжах, дурах и дураках. Иван Яковлевич Корейша, пациент сумасшедшего дома, слыл в своё время главным московским пророком. Он же считался большим целителем. Благодаря Прыжову мы узнаём, как проявлялась *врачующая сила* Ивана Яковлевича: «девушек он сажает к себе на колени и вертит их; пожилых женщин он обливает и обмазывает разными мерзостями, заворачивает им платье, дерётся и ругается»... Вдумаемся: на похороны Ивана Яковлевича собралось намного больше скорбящих, чем на прощание с писателем Гоголем, его смерть оплакивали громче, чем кончину военачальника Ермолова.

Семён Митрич... Да, Корейша валялся в грязи на полу, но всё-таки иногда кого-то *врачевал*, время от времени что-то загадочное бормотал, отчего и был объявлен пророком, а Семён Митрич, представляя из себя массу живой грязи, *в которой даже не различишь, человеческий ли*

это образ или животный, по большей части просто молчал: Семён Митрич вообще не любил, чтобы его донимали вопросами. «Спроси его кто-нибудь (о женихе или о пропаже, или как одна барыня спросила, куда убежала её девка), то он или обольёт помоями, или какую нечистью обдаст», — пишет Прыжов и сообщает с иронией, в чём состоял *великий религиозный подвиг* Семёна Митрича: иногда тот крестил приходящих рукой, замаранной в собственных испражнениях.

Не будем заострять внимание на нечистотах, ибо слишком внимательное исследование обгаженных предметов обстановки всегда отвлекает от главной темы и действующих лиц и, вторых, наталкивает на мысль о какой-то нездоровой грязноте самого *исследователя*. Важнее вот что: Корейша и Семён Митрич не молились, не постились — *никогда не говели*. Церкви и Бога они не знали. К Церкви и к Богу их присоседили материально более или менее обеспеченные, но душевно убогие людишки из самых разных слоёв, прослоек и сословий, те, кто, как считает не без оснований Прыжов, *вне беседы с юродивым не знают ничего, что могло бы нравственно возвысить человека*.

Разбираясь в причинах и следствиях того или иного явления, мы часто слышим краем уха пресловутое *ищите женщину*. В нашем случае эта подсказка, вроде бы, не к месту... Хотя, подумав, мы вдруг увидим уместность французского речения: к стопам юродивых припадают главным и подавляющим образом женщины, при этом припадают страстно, с кликушескими выкриками, которые возвышают какого-либо юрода вплоть до возведения в христианские святые. Прыжов сообщает, что во время похорон Ивана Яковлевича шли дожди, но, несмотря на страшную грязь, когда гроб переносили из квартиры в часовню, из часовни в церковь, и потом из церкви на кладбище «женщины, девушки, барышни в кринолинах падали ниц, ползали под гробом, ложились по дороге, чтоб над ними пронесли гроб». И ещё одна фраза — повторяю, не ради копания в нечистотах, а дабы показать, как участие *прекрасного пола* в том или ином движении, включая религиозное и революционное, придаёт этому движению страстную силу, граничащую с безумием. Кстати, напомним: первым человеком, которому привиделся воскресший Христос, человеком, который бросился разносить весть о чудесном воскрешении, была женщина, блудница Мария... Да, в том, что Иван Яковлевич обрёл славу врача и пророка, большая доля женского участия. Нельзя назвать иначе как пасторалью или сказочным вымыслом следующие *обобщающие* рассуждения Прыжова: «Славянская женщина, в глубокой древности, имела религиозное значение. Подобно божеству, которому она служила, и самая природа её получила космогоническое происхождение. Эта было светлое и чистое существо, это была дева в лучшем значении этого слова, (*дева* от санскритского *div* — *блистать*). <...> На почве древнерусского мирозерцания светлые эпические девы сменились ведьмами, сёстрами-колдуньями, тремя сёстрами бабами-ягами, сёстрами-лихорадками...» А частные примеры, им приводимые, его зарисовки с натуры убеждают в страстном служении женщины какому угодно идолу: некая княгиня «умирала и лекаря отказались её лечить. Вот она велела везти себя к Ивану Яковлевичу; вошла к нему, поддерживаемая двумя лакеями, и спрашивает о своём здоровье. В это время у Ивана Яковлевича были в руках два большие яблока. Ничего не говоря, он ударил княгиню этими яблоками по животу, с ней сделалось дурно и она упала; еле-еле довели её домой и, чудо! на другой день она была здорова!» — некая барыня рассказывала, как «Иван Яковлевич исцелил ей палец <...>. Медики объявили ей, что если она не отрежет пальца, то скоро нужно будет резать ей всю руку. Несколько дней продолжалась ужасная боль в её пальце и не знала она, что ей делать и куда деваться. И вдруг вспомнила, что в её комодке лежит свёрток табаку, подаренного ей Иваном Яковлевичем, с надписью: *табак от Ивана Яковлевича*. Она велела подать себе этот табак, посыпала им палец, и, чудо! палец тотчас же перестал болеть и скоро зажил». Рассказывая свою историю, то ли полностью, то ли частично выдуманную, барыня делилась своими выводами: «Все наши медики <...> шарлатаны, а Иван Яковлевич — святой человек». Согласитесь, что и в наши дни, когда все поголовно прошли через среднюю школу и пользуются каждый день достижениями науки и техники, можно услышать подобное: врачи ничего не понимают, а вот моей соседке её подруга рассказывала, как съездила со своими болячками к одной слепой прорицательнице в дальней деревне, и после посещения — болячки как рукой сняло!

Ещё при жизни, когда юродивый Корейша, помещённый в *безумный дом*, лежал на полу в своей комнате, *из-под него стекло*, как сообщает Прыжов, и служители посыпали пол песком:

«Этот-то песок, намоченный из-под Ивана Яковлевича, поклонницы его собирали и уносили домой, и *песочик от Ивана Яковлевича* стал оказывать врачебную силу. Когда же умер он, то многие приходили издалека и купали песочек у сторожей». Что-либо вроде целебного песочка продаётся и пользуется спросом и в наше просвещённые времена.

8

Прыжов, как говорится, знакомил публику с общественными язвами, Прыжов открывал публике глаза на неприглядные стороны жизни, Прыжов будоражил, так сказать, общественное мнение: смотрите, нищенство на Руси — одна из сил, *разьедавших народный организм*, одно из *диких явлений*... А что публика? А публика всегда одно и то же. Часть публики желает валяться в ногах у какого-нибудь идола, как бы вы её не вразумляли. В публике есть личности, которые сами не валяются, но которых вовсе не коробит от подобных сцен: они, оказывается, видят величие и славу в том, что Прыжов, и не только он один, осуждал как дикость и неприглядность. Например, поэт Аполлон Григорьев, современник Прыжова, как будто повторяя гордый лозунг Аксакова *путь прежний не брошен*, наоборот, чуть ли не умилился, что за гробом Ивана Яковлевича Корейши шли *сотни тысяч народа*, потому что Иван Яковлевич — это явление наше, русское, *юродство старое, исконное*, и есть вещи похуже — например, спиритизм, которым увлеклись в то время некоторые праздные господа, особенно из высшего света (и, опять же, в большинстве своём дамы).

Мы говорили о поклонницах. В очередном прыжовском очерке рассказывается, как обростает славой новый *пастырь*, учредивший под Москвой своей молельный дом: «Начинают собираться к нему вдовы-купчихи, странницы и все засидевшиеся в девках и приносят с собой большие деньги...» Это *несите деньги* мы слышим и сегодня, в двадцать первом веке, и воистину *путь прежний не брошен*: сошла со страны ледяная коммунистическая корка, и на потеплевшей почве снова проросли лжесвятые, лжепророки, объявляя, что они *во Христе*, и скликают в свои обители женский пол дабы бормотать им что-нибудь *священное* для удовлетворения их души и брюхатить для удовлетворения своей похоти. Из чего они прорастают, откуда наползают? — про современных не знаю, а историю одного *святителя* из прошлых времён излагает Прыжов: некий Иван Степаныч был московским лихачом, возил деловитых и праздных — в основном в злые места, *знал подробно все пути наживы*, попал под суд, бродяжничал, *года два где-то пропал, потом вдруг явился в Москве босым, в виде юрода и блаженного*, был взят в полицию за неимение паспорта и ещё какие-то грешки, посажен в острог... И затем — благостный поворот судьбы: бывший лихач и ныне острожник Иван Степаныч, опираясь на некоторую известность, приобретённую им во время юродствования, обратился через посредников к Ивану Яковлевичу, самому маститому юроду, и тот *пишет о нём одному влиятельному лицу, влиятельное лицо хлопчет об освобождении Ивана Степаныча, и его освобождают*... Выпущенный на волю, бывший лихач и уже бывший острожник отправляется в сумасшедший дом к Ивану Яковлевичу и получает у того благословение на основание молитвенного дома. В этот подмосковный дом и потекли *вдовы-купчихи, странницы и все засидевшиеся в девках* — и большие деньги понесли.

Этот Иван Яковлевич Корейша — прямо какая-то национально-героическая фигура? Да, что-то в этом роде, и вспомним ещё раз, как его хоронили с куда большими почестями чем Гоголя и Ермолова. И даже в галерее литературных персонажей имеется его физиономия — благодаря Достоевскому, а излюбленный выкрик Корейши *кололацы!* и сегодня можно встретить у начитанных литераторов и публицистов, желающих записать в юродивые того или иного из своих оппонентов.

В рассказе Прыжова об Ольге Макарьевне звучит тот вопрос, который рано или поздно слетает с губ здравомыслящего человека, который иногда *поднимается* даже каким-то количеством более или менее здравомыслящих граждан: а все эти нищие, что ежедневно простаивают у церкви, высиживают часами на тротуаре с картонкой на груди, сообщающей об их бедах и недугах, таскаются сами и таскают своих вроде как больных детей по переполненным вагонам метро... а они не хотели бы устроиться на какую-нибудь работу? За всех них ответила Ольга Макарьевна, хороводившая, как свидетельствует Прыжов, в своё время московскими нищими и юродивыми, она выступила рупором всех праздношатающих: «Очень

не любит она, если кто-нибудь ей скажет: Шла бы ты, Ольга Макарьевна, в сиделки в больницу или на фабрику, в артель в кухарки, ведь труды-то Бог любит. На эти слова она непременно ответит такой бранью, что зажимай уши».

9

Рядом с прыжовскими жанровыми зарисовками мы размещаем крупный живописный портрет, созданный воображением и пером Достоевского: литературный Фома Фомич в повести «Село Степанчиково и его обитатели» более опрятен и развит, чем юродивые, списанные Прыжовым с натуры, но в физиономии Фомы Фомича — те же черты русского юрода, в истории его возвеличивания задействованы те же силы, начиная с *барынь-любительниц*:

«Генеральша питала к нему какое-то мистическое уважение, — за что? неизвестно. Мало-помалу он достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияния различных Иван-Яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями, из любительниц...»

Фома Фомич Опискин, приживальщик, *паршивик* и *шельмец*, как-то пожелал, чтобы четверг считали средой — так ему приспичило, и в доме, где всё подчиняется *выживавшей из ума идиотке*, которая существует *неразлучно с другим идиотом — её идолом*, на той неделе было две среды. А потом Фоме Фомичу захотелось, чтобы к нему обратились как к генералу: *Ваше превосходительство!*

Достоевский подхватил, развил и усложнил простую музыку прыжовских описаний, среди которых — очерк о Гавриле Афонском, очень созвучный сценам, в коих обитатели Степанчикова обласкивают *щельмеца* Опискина. Гаврилу, человека с очень туманным прошлым, вводят в московские дома и: «сажают на первое место, угощают стерляжкой ухой, до которой он великий охотник, кланяются ему в ноги, целуют ему руки и приказывают прислуге делать то же самое. Лакей из дворовых людей, живший у купца, никак не решался целовать руки у ханжи и кланяться ему в ноги, и за это был разочтён, как безбожник, и выгнан. Хотели даже высечь его за это в части, но только полиция, при всём уважении к купцу, не нашла для этого достаточных оснований».

Переведём, однако взор с Фомы Фомича, с ним всё понятно, на генеральшу, его почитательницу... нет, о почитателях женского рода мы уже наговорились, с ними тоже более-менее понятно, а приглядимся лучше к Егору Ильичу. Кто такой? Егор Ильич — сын той самой генеральши, *выживавшей из ума идиотки*, как называет её Достоевский. Она — *барыня из любительниц*, сотворившая себе кумира из *щельмеца* Опискина, а он — почтительный сын. Что требовать от стареющих барынь, скучающих купчих и барышень, *засидевшихся в девках*? И не они, в конце концов, являются движущей силой больших общественных явлений. А вот Егор Ильич олицетворяет часть русского общества, благодаря которому юродивые пролезают в *ваши превосходительства*, а мнимые нищие *подвязав руки, тако ж и ноги, а иные глаза завеса и зажмуря, притворным лукавством просят на Христово имя*. Егор Ильич не просто потакает матери, *идиотке-старухе*, пригревшей Фому Фомича, он сам узрел в этом приживальщике большой ум, а потом вообще поверил, подобно Ивану Аксакову и Аполлону Григорьеву, что юродствующий Фома Фомич *ниспослан ему самим Богом для спасения души его*.

Как сказала Зинаида Гиппиус: «Русский человек без юродства как будто и святости не понимает».

Во французском произведении, в пьесе Жана-Батиста Мольера, ханжу Тартюфа разоблачают и выгоняют в конце концов из дома. В русском произведении Фома Фомич, эта, по определению автора, *сластолюбивая, капризная тварь, эгоист, лентяй, лежебок*, в доме Егора Ильича остаётся. При этом его оставляют не из сострадания, а для почитания... И сегодня в большом доме с названием *Россия* в юродстве видят святость или, по крайней мере, считают его признаком святости.

Во второй половине XIX века Иван Григорьевич Прыжов писал:

«Толкуют, что Россия очень похожа на Америку, что ту и другую ожидает новая жизнь, неизвестная старому миру. Но на плечах Америки не лежит ни Древней Руси, ни даже старой Европы, и действительно там должна развиваться новая цивилизация. Не то у нас. У нас темно и мрачно, тупо, безобразно...»

Новая жизнь у нас, действительно, наступила — после Революции 1917 года, в виде социализма, жизнь, поистине *неизвестная старому миру*, и три, даже четыре поколения русских людей стали деятельными или невольными участниками куда более тупых безобразий, чем те, которые совершались при Прыжове. Взять, по большому счёту, *строительство коммунистического общества* — создание того, чего никогда не было и природой не предусмотрено. Что думать нам сегодня, в начале двадцать первого века? Идут поиски национальной идеи, восстанавливается православие... Такое ощущение, что русский человек не представляет себя без религиозной веры, при этом непременно с довеском юродства, или без идеи, при этом такой, которая, по выражению Достоевского *съест* его, без чего-то чего-то запутанного, сложного, но непременно с примесью сказки.

Литература

- Альтман М. С. И. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма. М.-Л., 1934.
Н. Барков [Прыжов И. Г.]. Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков. М., 1864.
Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели. СПб., 1866.
Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. СПб., 1867.
Достоевский Ф. М. Бесы. СПб., 1882.
Прыжов И. Г. Очерки древне-русского быта. М., 1860.
Прыжов И. Г. Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве. СПб., 1860.
Прыжов И. Г. Нищие на святой Руси. М., 1862.
Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.-М., 1868.
Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань, 1914.